

ПРОЗА

Стихи

Юрий
Кузнецов

Стихов пишется сейчас много. Стихи пишут почти все. Это, конечно, хорошо, приятно. Но истинная радость — вдруг увидеть в этом потоке стихов настоящее, живое слово, неподдельную истинную поэзию. Мы, уже «стареющие поэты», в таких случаях радуемся, как будто встретились со своей юностью.

Такое произошло со мной в Краснодаре, на семинаре молодых писателей. На этом семинаре меня очень обрадовали стихи Юрия Кузнецова. В его стихах уже была биография, судьба поколения, молодость и свежесть восприятия мира. Юрий Кузнецов очень молод, но он уже много повидал, был в армии после школы, работал в милиции, побывал на Кубе.

Ю. КУЗНЕЦОВ

Михаил ЛЬВОВ

ПРОЗА

Стихи

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

Слезы России

Со страны начинаюсь,
С войны начинаюсь...
Отец мой окончен войною,
В чистом поле его,
Прорастая, распяло жнивье.
Я завернут в войну, как в портянку.
Россия стоит надо мною.
Как круги под глазами,
Траншеи на бледном лице у нее.
Мир, залатанный свастикой,
В улицы входит родные.
Чистит немец ботинки
Родимую щеткой овсов.
Мама, мама, не плачь!
Ты утри свои слезы, Россия!
Слезы,

длинные, как отступления наших
суровых отцов.

Продолжаю войной,
Продолжаю страной,
Подымаюсь, весь белый в березе,
Весь в мартенах,
Весь в мышцах,
Весь в розах с шипами ракет.
Но кричат до сих пор,
Высыхая, те скорбные слезы.
И от них
ни забвенья, ни сна
Моему поколению нет.

Созерцательность

Не будьте созерцательными, люди,
Как безответственными вы не будьте!
Ведь у эпохи на виске стучат,
Как учащенный пульс, шаги солдат.

Бессонница моя настороже
К тем людям, чье спокойствие фальшиво,
Чья созерцательность построила уже
Воздушный замок атомного взрыва.

Прозренье

И приходит большая, как Родина, осень,
В равнинах размашистых,
В журавлях-эмигрантах,
Что в клювах длиннющий несут звездопад.
Бабье лето приходит к девчонке
И мужество — к мальчику.
Ветер даты листает — мечты, словеса шелестят.

Обнажаясь до дна,
Над полями, делами, домами
Опадает Россия в пике. И на тысячи верст —
В белых ребрах берез,
В дымных пятнах тумана,
В переломах судеб,
Как рентген, ее вижу насквозь.

Песок

Мы песок разгружаем,
Зубами скрипя.
Мы, как залп, разряжаем
Работой себя.

Мы до пояса голы,
С нас солнце валит.
И дыхание в горле
Ходит, как лифт.

Жизнь идет проливная —
Блестящий поток.
Как веслом, загребаю
Лопатой песок.

Он горячий и крупный
И солнцем пропах.
Как ржаная коврига,
Скрипит на зубах.

Полные паруса

Штандартом парус всходит,
Бьет рында рыбакам.
Как через пень-колоду,
Айда по волнам.
Водяные, рытые
Пылятся холмы.
Соленые, как рифы,
Восходим мы.
Мы голодны, как пламя,
Как берега, сильны.
Морями, облаками
По взгляд занесены.
Нас море бьет тараном.
Мы в нем горим.
Как бешеным талантом,
Мучаемся им.

Мы взмокли и запарились,
И бесшабашно нам.
Прилипла палуба,
Как чешуя, к ногам.
Чеканки самой крупной
Из моря прет судак.
Он, как казна Нептуна,
Блестит в сетях.
Я в серебре от рыбы...
Но вот,

но вот,

Меня румбы,
Запетый вал идет.
Паруса зарифлены.
Сквозь строй нас гонит шквал.
В руках, будто в рытвине,
Буксует штурвал.
А ты — как за стеною,
Моя мальчишья страсть.
Высокою волною
Тебя стегает страх.
До ниточки промокла.
На берегу стоишь.
Как в стеклышки бинокля,
Сквозь слезы ты глядишь.

На море, как на дыбе,
Рыбацкий наш баркас.
Буря дыбом
Идет на нас.
Срывает по касательной,
Под молнии несет,
Кругом спасательным
Бросает горизонт.
На черном побережье
Распят прибой.
Вцепясь в волну, я брежу,
А брежу я тобой.
На водяном откосе
У жизни на краю
Волна меня выносит,
Как медсестра в бою.
Бурей обожженные,
Мы встанем, как родня.
С рыбацкими женами
Встретишь ты меня.

Обнимешь, ослабшая,
Как волна скалу,
Попросишь остаться...
А что тебе скажу?

Грохот с запада.
В облаках небосвод.
Как дом
 хозяина,
Нас море ждет.
Вот он,
 распахнутый,
На волны распаханый,
Как жизнь, простой,
Жестокый простор.

Красота

Я красотой встревожен дерзкой,
Жизнь проносил на высоте,
Но в ней по совести все делал,
И даже не по красоте.

Я от привычек был зависим,
От светофоров и одежд,
От парикмахеров и писем,
От устоявшихся надежд.

Мне нелегко зависеть было.
Я все, как ерунду, бросал.
Ведь красота меня слепила!
Я светофоры забывал.

Она цвела со мною рядом,
И были дни моей мечты,
Как высший принцип, как порядок,
Зависимы от красоты.

Я никогда не успокоюсь —
Вся жизнь сияньем залита.
И красота идет, как совесть,
И совесть — будто красота.

●

Да, вот сейчас, когда всего превыше
Ракеты, космос взявшие в штыки,
Все наши представленья и привычки
Звучат, как устаревшие стихи.

Как я встревожен за мечту, за смелость,
Ведь в тишине, уйдя на миг от дел,
Любуюсь я звездой, упавшей с неба,
А может, это космонавт сгорел!

Триптих мирской

1.

Есть люди открытые, как пустые квартиры,
Не понимают своей пустоты.
Кичатся они простотою картинно,
А в этом как раз ведь и нет простоты.

Они вам поддакнут остротой дешевой
И сытой улыбкой сверкнут до ушей.
Они козыряют открытой душою,
А есть ли что в этой открытой душе?

Как мне ненавистно и как мне постыло,
А я ведь спешил сквозь тревоги и дождь.
Есть люди — как будто квартиры пустые,
Свободно входи — ничего не найдешь.

2. В ГОСТЯХ

Мне отвечают легкими кивками,
Поглядывая косо, невзначай.
Подносят осторожно, как капканы,
К своим губам узорный хрупкий чай.

Здесь честь, как скатерть, берегут ревниво,
Улыбчивый хозяин крут и строг.
А я оттуда, где встает равнина,
Скрестив мечи широкие дорог.

Я шел в росе, рукой тебе махая.
А ты в гостях, а ты сидишь в гостях.
И крошка торта на губах мигает,
Как дальняя ромашка на лугах.

А я молчу и слушаю, запарившись,
И изучаю долгие ковры.
Как мне сказать, что я принес за пазухой
Пучок стихов — они еще мокры?

3. ЖИВЕТ ЧЕЛОВЕК

В некотором царстве, за тридевять галактик,
Где трамваи ходят и дождик мелко бьет,—
С младенческим лицом,
Без воли и характера,
Одинокий, глупый человек живет.

Ничем примечательным вам он не покажется,
Постоит, послушает и в сторону свернет.
Смотрите: он уходит, от ветра чуть покачиваясь.
Вы спросите: — Куда?
А он рукой махнет.

Его подруга топнет от злости и обиды,
Бродягой, неудачником, поэтом обзовет.
Он грустно усмехнется, повернется, выйдет
И старое пальто со звезды рванет.

Прятели привычками заняты. Не знают,
Что человек он глупый и жизнь его глупа.
Стоит один на улице,
А мимо проплывают
Зеленые, соленые, деревянные облака.

Не выходят стихи.
 Ну и ладно. Забуду, как малость,
 Стол, чернильницу, сердце,
 Решительно влезу в пиджак.
 Выйду в ночь, как в отставку,
 Скрипя кулаками в карманах,
 Саркастически вольные толстые губы поджав.

Мама, мама, ваш сын неудачник.
 Ваш сын неприкаянный ходит.
 Разве можно так долго ходить?
 Разве можно так часто курить?
 Не выходят стихи.
 Понимаете, жизнь не выходит.
 Может,
 время жениться
 И шлепанцев пару купить?

Я горю белым светом
 своих неподкупных бессонниц,
 Со стихов, как с ума, как на нет,
 как с распятия, схожу.
 Я лопату беру и копаю в том месте,
 где совесть.

Ненавижу стихи!
 Лучше сад для людей посажу.

З Д Р А В С Т В У Й , М И Р !

●

Роща дыбом стоит,
Удивляться не перестану —
Брошу с берега камень —
По воде разойдется кругами мишень.
Я не просто деревья увидел,
А из листьев густые фонтаны,
Что бурлят у реки
Над ежами речных камышей.

Здравствуй, мир
В снегопадах цветущих акаций,
С шестернями подсолнухов,
С полной скуластой луной!
Как хочу я тебе
Всю жизнь удивляться!
Как хочу я, чтоб люди
Удивлялись вместе со мной!

На реке

Мрачнеет за нахохленной станцией
Дымами занесенная река.
И, уплывая в длительное странствие,
Цепляются за звезды облака.

Уходит деревень знакомый облик,
Оглохшие от птиц, молчат дубы.
А в речке заблудившееся облако
Встает перед баркасом на дыбы.

Я снова здесь под облаками древними
В забытом богом дорогом краю.
И снова за прибрежными деревьями
Выщипывает лошадь тень свою.

Запутались кусты в зеленой сетке,
И аромат колышется витой,
И я поставлю на окно соседке
Сырое пламя сорванных цветов.

На плоту

Я по речке сплавливаю льдины плотов,
Девки с берега машут жар-птицей платков.
У меня под ногами бревна гудят,
Водяными созвездьями рыбы глядят.

Голубая вода,
Голубой небосвод,
Плот меж ними раскинут, как ковер-самолет.

Гроза в степи

И вот уже грохот, сумятица, визг,
Бегут проливные потоки.
Под низкой подводой не скрыться от брызг,
И в брызгах, как в родинках, щеки.

В глубоком кювете грызутся ручьи,
А тучи трещат, как арбузы.
Под ливнем высоким шумлив и речист
Неубранный лес кукурузы.

Глазастая хата — в размытом краю,
А ветер до скрипа развинчен.
И капли с куриным упорством клюют
В прорехи дубового днища.

Я лезу под ливень, под гром горловой,
Я падаю в буйную небыль.
И насмерть над самой моей головой
Зарезано молнией небо.

Но — настезь рубаху,
Пусть сердце кипит!
Пусть душная выбьется одурь.
Не стоит скрываться от бури в степи
Под днищем какой-то подводой!

●

В утренней деревеньке
В крупной росе лопухи.
Белые, как вареники,
Прыскают петухи.

Срываются неуклюже
С расшатанного плетня.
Бегу по росе, как по луже,
Рубаха сердцем полна.

Солнце о росы чиркает,
Искры трещат о зенит.
В груди у меня чирикает,
Толкается и звенит.

И чуточку, может, сонный
Прямо передо мной —
Молочный, свежеснесенный,
В пуху еще
шар земной.

Тишина

Прочь, подушка, примятая снами!
Распахнуты окна.
Подоконник, зарытый в цветы,
Ароматы струит.
И такая кипит тишина,
Что боишься оглохнуть.
И на всю тишину
Только слышно, как сердце стучит.

Дождь, сгоревший дотла,
Чуть дымится. Луна на приколе.
От арбузного запаха мокрых созвездий
Укрыться невмочь.
Я глаза закрываю
И слышу, как счастье приходит.
И мне жалко людей,
Которые спят в эту ночь.

Подъем

Кавказские горы забыть нам нельзя,
И потное небо над ними.
Орлы пробуждаются — наши друзья —
И звездами всходят дневными.

Нас солнце гудящим смывает лучом
С обрыва, где камень на камне.
Расклеваны пульсом виски,
И ручьем
Струится тропа под ногами.

Наш поиск далек, мы успели устать,
Нам хочется лечь и вовеки не встать,
Уж сердце грохочет рывками.
Последние метры даются с трудом,
Еще один шаг —
и окончен подъем,
Мы трогаем небо руками.

Меня обнимает мой преданный друг,
И мы забываем усталость.
Стоим на вершине на самом ветру,
В раскрытую настежь глядим красоту —
Она нелегко нам досталась.

Школьному товарищу

Отсмеялись звонки,
Отгремели задорные песни.
Разлетелись товарищи
И не вернутся назад.
Так зачем же тогда
Нам мерещатся косы ровесниц?
И зачем по ночам
Снятся их голубые глаза?

Где они, те девчонки
С мечтами большими, как пламя,
Так любившие парты
И запахи школы родной?
Водопадами пахнут
Их светлые шумные платья,
А раскрытые губы
Пахнут травой и луной.

Где-то в дальнем краю
Под кипящей листвою акацией
Кто-нибудь, старше нас,
Под наплывом туманных планет
Ищет с самой красивой
Твоей и моей одноклассницей
Ту звезду, от которой
Едва долетает к нам свет.

Засмеется девчонка
Соцветьям ночным теплоходов
И руками плеснет,
Чтоб другого обнять.
Но она не узнает,
Что с каждым умчавшимся годом
Все трудней и желанней
Нам с тобою ее вспоминать.

Отсмеялись звонки,
Отгремели задорные песни.
Разлетелись товарищи
И не вернутся назад.
Так зачем же тогда
Нам мерещатся косы ровесниц?
И зачем по ночам
Снятся их голубые глаза?

...Под птицами и облаками
детство мое изнывает.
«Раскинулось море широко», —
с ветром во рту поет.
А дом дряхлел с годами,
как старый сугроб, осунулся.
Идет с костылями подпорок,
бронхитом в печи свистя.
По крышу засосан вишнями —
не сразу заметишь с улицы.
Номер, как марка, отклеился,
вот-вот полетит с гвоздя.
Я до кровинки запомню
набитые небом ветви,
Отпетых своих ровесников
и горизонт за двором,
Разломленный голос деда,
он говорит и не верит,
Что на колоду денег
пора поменять наш дом.
Меня засыпает солнце
и птичья разноголосица.
Я стою у калитки —
у детства на самом краю.
И ухожу, как оторванный.
И дом до меня доносится
Любимой песней, которую
другие теперь поют.

Самовар

Зачем впадаю в детство, как в болтливость,
Забыв побриться,

закуривши вдруг?..

Вот самовар,

лоснящийся, потливый,

Стоит со шпорой крана, как петух.

Вот, жаждой непонятной опаленный,

Я долго воду из цибарки лью.

Как балалайку,

звонкое полено

На тоненькие лучики щиплю.

Я говорю веселыми стихами,

Топчусь мальчишкой рыжим и босым.

И раздуваю самовар дыханьем,

Как будто мыльный радужный пузырь.

И дед царит, пыхтя,

раскрыв рубаху,

И тянет чай, как песню азиат.

Мне кажется, что самовар с размаху

Взлетит над детством в солнечный закат.

Мир волшебства подернут чуткой пленкой.

Он остывает —

на него дышу.

И чашку с дымным чаем, как цыпленка,

В ладони недоверчиво держу.

Я стал другим,
Давно не замечаю
Тех лет, что позади, как пустяки.
Хотя держу стихи, как чашку чая,
И пальцы обжигаю о стихи.

Но это зря,
Я над собой посмеиваюсь.
Я мудр, как змий,
Рассудочен и стар.
Включен в розетку, будто в современность,
На привязи скулит мой самовар.

Я возраст очень смутно понимал,
Я чувствовал в нем трудную науку.
Но мудрость в сеть своих морщин поймал,
Поймал улыбку узкую, как щуку.

Дрожат моря — так губы ищут слов,
И вскрыты до созвездий небосводы.
Но, обдирая плавники стихов,
Сквозь сеть морщин мои уходят годы.

Я слышу, ненавижда и любя:
Во мне, как ясность, возраст происходит.
Приходит боль тревоги за себя,
Ответственность за жизнь свою приходит.

Триптих о детстве

1. ЗАБЫТЫЙ СОН

Я детство, как забытый сон, таскаю,
Все тщетно вспоминаю, но — увы!
До мотоциклов выродились, сказка,
Циклопы одноглазые твои.

Я детство тонкой проводил улыбкой.
С тех пор на трудной ноте бытия
В оркестре интеллекта первой скрипкой
Эквилибрирует ирония моя.

Я хохочу — ну разве не забавно:
Девчонка, спотыкаясь, в руки шла.
Я целовал ее испуганно, как бабочка.
Зато теперь я жалею, как пчела!

Но, откровенно говоря, мне не хохочется,
И долгий-долгий — мой внезапный взгляд.
Но, откровенно говоря, так хочется
Грустить, как только в юности грустят.

3. ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Я еду к другу старому, как детство.
Флиртую с проводницей невзначай.
Она твердит, что не на что надеяться,
Разносит по купе банальный чай.

Мне все равно. Я сяду с долгой миной,
Скажу себе, как другу: — Улыбнись!
Я чай приму. Я брошу сахар мимо.
Я размешаю чайной ложкой жизнь.

В окне мелькает глобус. Стык за стыком
Кончается разлука навсегда.
Тончайшей ложкой со стеклянным стуком
Я постучусь в остывшие года.

И вспыхнет вдруг, включенный на всю
громкость,
Конгениальный, любопытный мир.—
Весь в розовом и плоский, словно глупость,
Как детектив, зачитанный до дыр.

Бегущих лиц подруг теперь не вспомнить,
Ведь мы — прошли, подняв воротники.
На танцы приходили только спорить,
Ах, черт возьми, ну что за дураки!

Один, без девушки, я возвращался с танцев
И облакам плывущим долго вслед кричал:
— Куда вы всё уходите? Оставайтесь!
Я ничего вокруг себя не разобрал.

Но друг тащил от облаков под крыши,
С испугом говорил мне: «Улыбнись,
Я понимаю... все пройдет».
Дружище!
А что пройдет, когда проходит жизнь?

Идут года разлуки и надежды,
И облако спокойное плывет.
Но в городе оставленного детства
Серьезный друг по-прежнему живет.

Он ждет меня. Он выбежит отважно,
Вдруг остановится... А дальше что?..
Я еду к другу.
Я схожу. Мне страшно:
Кого я встречу, если все прошло?

●

Пустует мой мир при бессмертной луне,
Ветрам и надеждам раскрытый.
Но крови плывут перелеты во мне,
Осенние, вечные, с криками.

И тянет далеко на тропик любви.
А ты пожимаешь плечами.
Со рта твоего поцелуи мои
Срываются с криком печальным.

Тащу, как капканы, ошибки свои,
В пустынных объятьях ночью.
Лечу на таинственный остров любви
На уровне поцелуев.

Впотьмах маяки расставляет любовь —
Призывное дальнее пламя...
Я в кровь расшибаюсь о сетку стихов,
Стоящую пред маяками.

●
Был город детства моего — «дыра»,
Дыра зеленая и голубая,
В нее проваливаюсь с головою:
И вот опять в очках стоят дома.

Но, полусном провинции томим,
Я вздрагиваю от ударов крови.
Трамваями по улицам моим
Идут враскачку красные коровы.

А мне миры зеленые видны,
Там девушка живет в стеклянном доме.
Я, как пригоршню голубой воды,
Держу ее хрустальные ладони.

Но не прислушаюсь к ее словам.
И, туфлями неосторожно черкая,
Пройду,
 рассыпав белое и черное,
По утонченным, как рояли, городам.

Чего мне жаль?
Мне уходить пора.
Задумавшись, качаю головою.
Был город детства моего — «дыра»,
Дыра зеленая и голубая.

В кафе

Стервятниками люстры нависают,
А я над семгой подлинной корплю.
Всех уморило.
Лишь официанты
Сгорают одиноко на корню.

Мигает дальний джаз, сквозь зубы сплюнув,
И, как бокалы, чуть звенят столы.
Листая через годы мою юность,
Интеллигенты слушают стихи.

Как птичья лапа, галстук взял за горло.
Откусывая вежливость, как хлеб,
Я позабыл провинциальный город,
Где улицы выходят прямо в степь.

Я не довел из голубого края
Высокую, как парус, тишину.
Я жду в кафе, что скажет мэтр,

страдаю,

Икоте оборвавши, как струну.

Синева

Сонной чайки маятник качается,
Воздух синий — даже дымки нет.
Я лежу и таю, будто снег,
На песке, что синевой кончается.

И встаю, растопленный лучами,
Оглушает моря гул и звон.
Раздвигаю синеву плечами
И плыву на самый горизонт.

В синеве соленой и глубокой
Я свечусь, как белое пятно.
Ухожу от берега далеко —
Свежестью дыхание полно.

М Е Ч Т А

●

Я всматриваюсь в девушку,
идущую мне навстречу,
и никак не пойму —
почему она не останавливает на мне
свой вопрошающий взгляд.
Ведь, наверное, мы никогда не встретимся
вновь,
а я уже немного влюбился в нее.
Но она проходит,
и я чувствую, что сейчас я теряю то,
чего еще не нашел.

Морская вода

Небо в море колыхается синее,
Волны трутся у берега в инее.
И красиво мне под ноги падает
Поседелая синева.

Синеву я черпнул ладонями
И вгляделся глазами влюбленными,
Но вода оказалась бесцветная,
Откровенна и нежива.

Ты красивая, очень красивая,
Говорят, что ты очень красивая.
И, признаться, из встречных девушек
Я красивей тебя не видал,
Но мне кажется, странно кажется:
Полюблю я тебя, и окажется,
Что вблизи ты совсем другая,
Как в ладонях морская вода.

●

От литавры луны
Деревья в латунной вязи.
И всю ночь напролет
Прожигают талант соловьи.
И в руках у девчонки
Пальцы мои завязли.
И дрожит подбородок,
И звенит голова от любви.

Где я? Что я? Зачем
Сердце такое громкое?
И уходят в молчание люди,
И луна, будто нота, плывет.
Кто со мной остается?
И кому незнакомка
Между хвоей ресниц
Унесла небосвод?

Что такое случилось?
Почему у меня, как ссадины,
На губах поцелуи горят,
И чьи?..
Это бред! Это юность!
Я один, а покой украден.
И моею мечтою
Швыряются соловьи.

●

Я люблю тебя за все так просто,
Я тебя собою задарил.
Но любовь моя, как папираса,
Хоть ее о сердце закурил.

Ты глядишь куда-то мимо-мимо,
Едим взглядом все вокруг слепя.
Я курю и кашляю от дыма,
Осыпаю пепел на себя.

Ветер за тобой бежит вприпрыжку,
Волосы твои на искры рвет.
В первый раз курю —
еще мальчишка,—
Папираса кончится вот-вот.

Этот вечер дымится
Погашенным факелом.
Клином сходится жизнь,
Как во тьме берега.
Будто снова в отчаянном
Стойбище мрака
Твое белое платье
Шумит, как пурга.
Вновь я вижу тебя
В наплывающем лиственном гуде,
Все в диковинку, все наобум,
Как сто тысяч столетий назад.
Распаяли мне куртку
Девичьи упрямые груди,
И плеснули в лицо голубые глаза.
Непослушные губы
Тогда у меня пересохли.
Клокотал и звенел
И подпрыгивал птицами сад.
Обжигаясь от платья,
От не сказанных слов оглохнув,
Я входил, будто в утро,
В твой искренний взгляд.

Сквозь девичьи глаза
Рассмотрел я волшебные дива.

Сердце путалось в венах,
В ветвях, в тишине голубой...
Почему я считал,
Что на свете бывает тоскливо?
И зачем насмеялся
Над мудрым названием: любовь?

Ожидание

За оконною льдиной
Шиповник, как рана, сочится.
Ноют ветры осенние,
Меня ветры осенние злят.
У тебя под огромным платком,
Будто веточка, дышат ключицы.
Мнет походки мальчишек
Несмотрящий твой взгляд.

Мы с тобой еще в школе
За партой одною сидели,
И друг друга локтями
Обжигали над книгой одной.
Нас с тобою шатали,
Как рынок, как давка, метели.
И мы бредили оба
Вкопанной в полночь луной.

Мы бок о бок прошли
Столько дум, огорчений и споров,
Столько книг прочитали,
Столько песен пропели подряд...
Есть у нас, что забыть,
Есть с тобой нам, что вспомнить.
Отчего ж ты отводишь,
Как ветер, свой взгляд?

Я люблю тебя насмерть
За пернатые звездопады,
За клубок распустившийся тропок,
За грачиный заигранный грай,
За безмолвную стойкость
В бездне буранных нападок,
За глаза твои,
Плещущиеся через край...

Возле окон шиповник
Качается мокрый.
Ноют ветры осенние,
Ветры степной стороны...
Я теперь одинок,
Как оборванный окрик
Самой искренней в мире струны.

В КОНВЕРТЕ БЕЗ МАРКИ

18-й год

По дорогам, по балкам,
По ржавчине душного жита,
Где у жидких околиц
На взрыбы похожи кусты,
Шли ледовым походом в пенсне и в манжетах
бандиты

На багровое знамя,
Что в дырах, как в звездах густых.
Степь горела. Дымились
За плетнями костлявыми хаты,
Банды в села врывались,
Прикладами били в висок.
Молодых комиссаров,
Как к стене, приставляли к закату.
И стреляли не целясь под левый сосок.
Фронты лезли по швам.
Не хватало ни сна, ни снарядов.
Отходили, гудя, за Кубань косяки поездов.
И взлетал, и гремел, и кричал,
И, рассыпавшись, падал
Бурелом многотонный взорванных в полночь
мостов.

Я приду к вам на помощь, ребята!
И враг захлебнется и дрогнет,
И злоа, как спичкой, осколком чиркнет у виска,
Полыхнет бронепоезд с обоймы железной дороги
Так, что белою вьюгой со звезд полетят облака.

Не томи мою юность,
Бровастая радуга с неба
И трамбовка капли,
И соты больших городов!
Скоро схватка. Идут
Без пощады и хлеба
Комсомольцы двадцатых годов.
Вот они,

мою жизнь

Защитившие в битве
И ушедшие в книги...
Что могу им сказать?

Я не падал от взрыва снаряда на оспины рытвин,
Не меня до седла разваливал саблей казак.
И не шли на расстрел мое сердце, мечта
и улыбка,

Я тифозным не брел через черные степи в пургу.
Я родился поздней.

Впрочем,

это ошибка.

Я поверить такому никак не могу.

Я придумаю тысячи жизней

И к собственной жизни примерю,

Чтобы буря была

И ударило пламя из жил...

То, что не было раньше меня,

Я в такое не верю.

Я родился давно.

Я еще до рождения жил.

Последний вагон

Мама, ты плачешь, мама. Не надо, прошу,
не надо!
Еще ты совсем молодая, и он молодой, без погон.
Но мама меня не слышит...
Снова перрон, канонада,
Отец на ходу цепляется на самый последний
вагон.
А впереди прожекторы разломлены и раскрыты,
Россия насквозь прострелена — до журавлей,
до берез...
Обугленными зрачками я смотрю на Россию.
Губу закусив до крови, задумаюсь вдруг всерьез.
А он все едет и едет, сквозь годы и письма
махая...
Как долго ты смотришь, мама, и взгляд твой—
как эшелон,
Он тянется длинный-длинный, вздрагивая
и гроыхая,
Но только никто не подцепится на самый
последний вагон.

Отцу

Он спит на нарах, как нокдаун, твердых,
На кулаке, что четко вдавлен в сон.
Война играет год сорок четвертый,
Перебирая клавиши погон.

Такая тьма!
Бежит прожектор криво
И вырывает наугад года.
Я снюсь отцу за два часа до взрыва,
Что между нами встанет навсегда.

От той взрывной волны, летящей круто,
Мать вздрогнет в тишине еще не раз...
Вот он встает,
Идет,
Еще минута —
Начнется безотцовщина сейчас!

Черный хлеб

Бойна в грязи по колено. В черном снегу городок.
Заигранный, как пластинка, хрипел по утрам гудок.
А у ларьков по суткам составы очередей.
Хлеб выдавали по карточкам, но не было хлеба вкусней
Мама его приносила, я ее дома ждал.
Я в руки буханку теплую, будто котенка, брал.
Он обдирал мне десны, в зубах на весь мир скрипел.
Я в детстве другого не видел, но горд, что его я ел.—
Такой же колючий и дымный, прыщавый, сырой, рябой
В окопах отцам выдавали, и те уходили в бой...
Но если сегодня прикажут — поднимемся как один.
Мы устояли на черном. Теперь мы белый едим.

Память

Снова память тащит санки по двору.
Дом без стекол.
В доме нет воды.
Мать уходит в прошлое, как по воду,
А колодец на краю войны.

Он из снега черным солнцем светит,
Освещая скудным бликом дом.
И на санках ведра, будто свечи,
Догорая, оплывают льдом.

Не ходи ты, ради бога, мама,
К этому колодцу за войной!
Как ты будешь жить на свете, мама,
Обмороженная сединой?

Ты в тепле, зажав лицо руками,
Станешь слезы медленные лить...

Будет обмороженная память
Через годы с болью отходить.

Наряд на кухню

Гремел вагон, расшатав и раскачан,
Как на волнах, на черных спинах шпал.
И вырывался из котлов горячих
Лосиными рогами крепкий пар.
Я был в наряде, с папиросой, весел.
Я мясо, как белье, перемывал.
Я для ребят варил,
Для свежих песен,
Для глаз летящих, как девятый вал.
А поезд шел сквозь снегопадов чащи,
В свистящий ветер наглухо одет.
Я поварешкой — на стебле цветочной чашей —
На остановках раздавал обед.
Я мыл котлы дымящейся водою,
До волдырей ладони обжигал.
Набухнувшую тряпку над ведерком
Доил, как вымя,
и опять макал.
Блестел чугунок, как серебром облитый,
Дырявым паром мне в лицо дымил.
Я шлифовал котлы —
большие линзы,
В них преломлялся заново мой мир.

Связь даю

В солончаках, где путь неровен,
Прошли учебные бои.
Я был худой. Гармонью ребер
Играли легкие мои.

Я связь давал и чуть не падал,
Тонули сапоги в песке.
Но уходил с катушки кабель,
Как будто рыба на крючке.

А после сон, как бич, повальный
Сбивал с земли в единый миг.
И поплавком клевал дневальный
В тяжелом море снов моих.

Я спал, но пот с лица все капал,
Как будто я в песке завяз,
И все тянул проклятый кабель,
Хотя давным-давно дал связь.

Поезда

Зеленое течение поездов,
Орлиное круженье горизонта.
Среди глубоких обложных песков
Я линию веду из гарнизона.

Размерен день смещеньем облаков,
Кустами трав, где тень, иссохнув, прячется.
Тяну, согнувшись, провод бурлаком —
Вся степь за мной, поскрипывая, тащится...

В руках столбы огромны и грубы.
Вот провода симфонию заладили.
В горсти стальных когтей стоят столбы,
И схвачены за шеи изоляторы.

Натянутые, будто паруса,
Над головою провода бушуют.
А мимо проплывают поезда,
Они смеются, любят и тоскуют.

Я музыку, я поезда пою —
Горячие, зеленые, как годы.
Я здесь в пилотке, в сапогах, в поту,
А поезда уходят и уходят.

Провода

Как буреломы, облака встают,
Столбы идут по бабочкам вслепую.
Прислушайся, что провода поют,
О чем они, охрипшие, тоскуют.

Надену когти — пару птичьих ног,
Тяжелым ястребом захопаю на траверсе,
Над пылью,
Над таинственными травами,
Над узкими пирогами дорог.

Мне чудится: хочу чего-то я.
Включусь и стану ждать как на иголках.
И мне ответит голосом ручья
Молоденькая незнакомка.

Она послушает:— Ну что за ерунда!
И звякнет трубкой громко и рассерженно.
И не поймет, что до разрыва сердца
Тоскуют над полями провода.

Солдатские посудомойки

А я ходил в посудомойки.
Их духота, их толкотня,
Их спертый дух, крутой и стойкий,
Везде преследовал меня.

Но поначалу, как в забаву,
Я брал топор в шальной мороз.
Дрова бульдожьими зубами
Держали тот топор, как кость.

Я нес дубы, я нес бессонницы,
Взлетали на огне сучки.
Как в пригоревших пятнах солнца,
Скоблил до белизны бачки.

Мои движенья были кривы,
Стреляла жилка на виске.
Ладони красные, как взрывы,
Стояли в белом кипятке.

С тех пор всю жизнь супы таскаю,
Сжимая кулаки во сне.
Соль жизни — это соль такая,
Что выступает на спине.

А ты ходил в посудомойки?
Что ты увидел там в пару?
Я вынес запах жизни стойкий.
Дымились руки на ветру.

Телефонисты спят...

Телефонисты спят.
Их ждут ненастья,
Их бури ждут, их телефоны ждут.
Им провода, распахнутые настежь,
Во сне ладони стиснутые жгут.

И все слышней полет гусиной стаи,
Все крепче пахнет мокрая кора
Сквозь листопад погон, сквозь ход уставов,
Сквозь телефонов гулких номера.

Нам снится дождь, что барабанит в солнце,
Стоят миры на молодой волне.
Но за казармой пушечные сосны
Дымятся едкой хвоей в тишине.

И мы нацепим на рассвете синем
Монтерские большие пояса...
За гарнизоном чередой гусиной
Столбы идут,
шумя, как поезда.

●
О, жизнь солдата!
Вновь дымится
На брешь похожая луна.
Погонами, как черепицей,
Моя покрыта сторона.

Волнами бьют в нее равнины,
Во сне мы видим отчий дом.
И вдруг взрываемся, как мины,
От слова краткого: подъем!

Нам по снегу бежать знакомо,
Как парус, раздувая кровь.
И койки свертывать — знамена
Своих рассыпавшихся снов.

Меня учили жить приказы,
Я проходил морщины тут.
Я жил в глухих противогазах,
А люди в комнатах живут!

Пройдут года, как клочья дыма,
Но нам не раз придется, брат,
Забывшись, номер карабина
По телефону набирать.

Из блокнота. Демобилизация

Мы повзрослели или постарели?
Мы возмужали или огрубели?
Остепенились или поумнели?
Ну в самом деле!

...А люди ходят в башмаках без скрипа,
А сапоги скрипят на весь вагон.
И выглядит отчаянно бескрыло
Моя шинель, лишенная погон.

Хохочут девушки на карусели,
Раскрытыми коленками сверкнув.
А мальчики выходят из шинелей
И выдыхают одно слово: уф!

Нам станет от улыбок горячо.
Но если вдруг обрушится невзгода,—
Подставлю другу правое плечо:
На нем я карабин таскал три года.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

П о л е т	
Слезы России	3
Созерцательность	4
Прозренье : :	5
Песок	6
Рамы для фортепьяно	7
Грузчик	8
Полные паруса	9
Полет	12
Красота	13
«Да, вот сейчас, когда всего превыше...»	14
Триптих мирской	15
Карандаши	17
Триптих поэтический	18
З д р а в с т в у й , м и р !	
«Роща дыбом стоит...»	20
На реке	21
На плоту	22
Гроза в степи	23
«В утренней деревеньке...»	24
Тишина	25
Подъем	26
Через перевал	27
Школьному товарищу	28
Песня о доме	30

Бумажный змей	32
Самовар	33
Триптих о возрасте	35
Триптих о детстве	37
Холостяки	41
«Пустует мой мир при бессмертной луне»	42
«Был город детства моего — «дыра»...»	43
В кафе	44
Синева	45
 Мечта	
«Я всматриваюсь в девушку...»	46
Багульник	47
Мечта	48
Морская вода	49
«От литавры луны...»	50
Жар-птица	51
«Я люблю тебя за все так просто...»	52
«Этот вечер дымится...»	53
Ожидание	55
 В конверте без марки	
18-й год	57
Последний вагон	59
Отцу	60
«Надо мною дымится...»	61
Черный хлеб	63
Память	64
Картинка 1945 года	65
Наряд на кухню	66
Связь даю	67
Поезда	68
Провода	69
Солдатские посудомойки	70
Телефонисты спят...	71
В карауле	72
«О, жизнь солдата!»	73
Я солдат	74
Девушки	75
Из блокнота. Демобилизация	77

Юрий Поликарпович Кузнецов
ГРОЗА. Стихи.

Художник Р. А. Ломоносов

Редактор А. К. Аванесова

Художественный редактор Ю. М. Бабак

Технический редактор Л. В. Матвеева

Сдано в набор 1 марта 1966 г.

Подписано к печати 25 мая 1966 г.

Формат бумаги 70x90¹/₃₂. Бум. л. 1,25.

Печ. физ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,93.

Учетно-изд. л. 2,20.

МА 00107.

Заказ № 2191. Тираж 4000. Цена 11 коп.

**Краснодарское книжное издательство,
Краснодар, улица Красная, 74**

**Типография издательства «Советская Кубань»,
Краснодар, улица имени Шаумяна, 110.**

11 коп.

КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966